Державина, который хотел обличать неправду перед самой императрицей и в то же время уже не очень верил в ее правосудие: «Если ж то обстоятельство, что о личных на меня неудовольствиях правящего генерал-губернаторскую должность осталось без исследования и по неизвестности о истине подлежу еще сумнению, достоин ли я просимых и ожидаемых мною от всемилостивейшей моей монархини милостей, то к развязке сего темного обстоятельства и предубеждения о моем якобы неспокойном нраве и дерзостях, да благоволено будет приказать мне лично предстать вашему императорскому величеству и, как сердцевидцу богу, открыть мою совесть и показать те истинные с ясными доказательствами причины, которые весьма небезважны, откуда произошли на меня правящего генерал-губернаторскую должность неудовольствия и притеснения. От вседержащей вашего императорского величества власти зависеть будет представленное мною предать действию законов или удержать в недре великодушного и матернего сердца».

Обстоятельства аудиенции 1 августа хорошо известны и по запискам Державина, и по дневнику Храповицкого. Однако был тут один любопытный факт, не известный биографам поэта. В письме Муравьева (он жил в царскосельском дворце и часто ночами дежурил по должности «кавалера» великого князя Константина) читаем: «Вчерась, приходя с дежурства, нахожу у себя в комнате убирающегося Гаврилу Романовича, который вам кланяется и вас очень любит».[23] Пожалуй, именно эта фраза лучше всего свидетельствует о человеческой близости двух поэтов.

И в дальнейшем Муравьев сообщает Луниным новости о Державине: «Написал прекрасное лирическое сочинение „Изображение Фелицы“, где воображение его разгорячено благодарностию»;[24] напечатана «Песнь Россу по взятии Измаила»;[25] на бале у А. С. Строганова пели стихи, сочиненные Державиным»,[26] и т. д.

Последнее сообщение особенно интересно, так как об исполнении кантаты «Песнь дому любящему науки и художества в новый год» (впоследствии названо «Любителю художеств») до сих пор определенных сведений не было. Теперь ясно, что разделение произведения на «хоры» и «арии» — не формальная прихоть

---

[23] ОПИ ГИМ, там же, л. 57. Письмо М. Н. Муравьева от 2 августа 1789 г.

[24] ОПИ ГИМ, там же, л. 78 об. Письмо М. Н. Муравьева от 11 октября 1789 г. Как известно, Капнист отнесся к оде неодобрительно, Львов занял промежуточную позицию. Любопытно, что ни Капнист, ни Львов, ни Муравьев не заметили в этом произведении сатирического элемента, который дал Державину впоследствии право поставить «Изображение Фелицы» в один ряд с одами «На счастие» и «На коварство» (Рукописный отдел ИРЛИ, архив Я. К. Грота, № 15883 XCVIII б. 2, л. 11).

[25] ОПИ ГИМ, ф. 445, № 55, л. 15 об. Письмо М. Н. Муравьева от 27 февраля 1791 г.

[26] Там же, л. 18. Письмо М. Н. Муравьева от 20 марта 1791 г.